

Основатель психотехники Г. Мюнстерберг – предтеча Л.С. Выготского в методологии психологического познания

В.М. Мунипов

доктор психологических наук, профессор, действительный член РАО,
профессор кафедры эргономики МИРЭА

В статье рассматривается заочный диалог Г. Мюнстерберга и Л.С. Выготского по проблемам методологии психологического познания. Центральной является проблема формирования практической психологии и ее соотношения с академической психологией. Анализируется методологический потенциал психотехники, позволяющий реформировать психологию и стать главной движущей силой ее кризиса. Г. Мюнстерберг и Л.С. Выготский впервые в психологии помимо теоретического и эмпирического вводят еще один – технический уровень познания и мышления как особой формы преобразования психической реальности с психолого-практическим знанием в качестве идейно-смыслового и ценностного центра. Психотехника по Л.С. Выготскому – философия практики, которая изнутри практики вбирает и анализирует раскрывающийся благодаря этой практике мир.

Автор статьи отмечает, что не изучена в должной мере созданная в середине 20–30-х гг. в России научная школа психотехники, которая является важным этапом перехода психологии как классической к постклассической науке.

Ключевые слова: психология, прикладная психология, психотехника, практическая психология, техническая наука, методология психологического познания.

Выдающийся психолог, методолог психологического познания и основатель психотехники, создатель оригинальной философской концепции ценностей Г. Мюнстерберг (1863–1916) является одним из первых разработчиков моторной теории сознания, которая содействовала подъему бихевиоризма. Рефлекторная теория казалась Г. Мюнстербергу и другим американским психологам в конце XIX в. прочной объяснительной основой возникновения поведения. Наши идеи, считал Г. Мюнстерберг, являются продуктом нашей готовности действовать... наши действия формируют наши знания. «Практическая психология, – отмечает Т. Лихи, – область, в которой Мюнстерберг проявлял особую активность, волей-неволей должна была иметь в то время бихевиористскую направленность» [4, с. 228]. В 20-е гг. XX в. в СССР на русский язык были переведены такие его сочинения, как «Американцы», «Психология и учитель», «Психология и экономическая жизнь»

и др. В 1922 г. в нашей стране был издан главный и фундаментальный труд Г. Мюнстерберга «Основы психотехники». В предисловии к нему известные советские психотехники и редакторы русского перевода Б. Северный и В. Экземплярский писали: «Имя автора предлагаемой сейчас русскому читателю книги не нуждается в рекомендациях. Оно не только имеет большой вес среди психологов-специалистов и философов, но известно у нас и широкой публике по переводам других его сочинений...» [7, с. 5]. После разгрома психотехники в СССР в 30-е гг. его имя было вычеркнуто из истории психологии и философии в нашей стране. Если о нем и вспоминали, то только для того, чтобы нанести очередной идеологический удар по буржуазной психотехнике и заклеить отечественных представителей этой науки. Сегодня слова о Г. Мюнстерберге редакторов русского перевода его труда можно повторить только с частичкой «не».

Самое парадоксальное, что имя Г. Мюнстерберга в США предано забвению, – и это после вознесения его на психологический Олимп. Немец по происхождению и патриот Германии, Г. Мюнстерберг после начала Первой мировой войны во всеуслышание защищал свою немецкую родину в США, где господствовали анти-немецкие настроения. В атмосфере шпиономании этого было достаточно, чтобы обвинить ученого в шпионаже. Г. Мюнстерберг получал письма с угрозами, сотрудники оскорбительно высказывались в его адрес. Ученый не смог выдержать остракизм и ядовитые нападки. Во время лекции в университете Г. Мюнстерберг 16 декабря 1916 г. упал на пол на полуслове и тут же умер. «Для человека, которого называли гигантом американской психологии, над его могилой было сказано совсем немного хвалебных слов» [13, с. 238]. После смерти ученого Америка забыла гиганта отечественной психологии, а историки психологии этой страны превратили Г. Мюнстерберга чуть ли не в заурядного психолога.

Вводные замечания

Проведя достаточно сложное и длительное изучение причин разгрома психотехники в СССР и физического уничтожения ее лидеров, удалось установить всю необоснованность и вздорность предъявленных обвинений [5]. Однако реабилитационная направленность исследования, больше походившая на изучение следствия по грязному политическому делу, чем на научный поиск, не позволила в полной мере осознать историческое значение психотехники. Наша история, особенно сталинский период, существенно фальсифицирована, и это не могло не отразиться на истории психологии. В России еще крайне сложно осуществить действительно настоящее историческое исследование, такое, к примеру, в какое итальянский мыслитель XX в. Б. Кроче ввел важную для него универсалию свободы, а вслед за ним философ и историк Е.Б. Рашковский – осознанной свободы [12].

Исследование с подобной установкой крайне сложно провести, но нет иного пути к регуляции нашего исторического сознания, все еще во многих отношениях остающегося, как отмечает Е.Б. Рашковский, отчужденным от подлинной человеческой реальности [там же]. Поэтому нами предпринята попытка про-

ведения с таким вектором исторического исследования жизни и творчества Г. Мюнстерберга и основанной им психотехники. Предполагалось, что удастся определить основополагающие характеристики всей истории психотехники, в том числе и советской. Затруднения возникли с определением принципов и методов предпринятого исследования. Кроме работ Б. Кроче, Е.Б. Рашковского и других историков важную роль в выявлении и уточнении инструментария исследования сыграли труды испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета. Для того чтобы стало понятно, о чем идет речь, приведем только два положения испанского философа: «... история только тогда становится тем, чем должна быть, когда удастся понять человека другой эпохи лучше, чем он сам себя понимает. Строго говоря, история лишь стремится понять прошлое так, как оно себя понимало, но оказывается, что достичь этого возможно только в том случае, если будут вскрыты самые глубинные понятия, которыми жило прошлое и которые в силу их очевидности оно не всегда осознавало» [8, с. 57]. Методический прием воплощения такого подхода в историческом исследовании сводится, как указывает философ, к технике, которую «мы называем «историей»: беседы, дружеские разговоры с мертвыми» [там же].

Пытаясь применить данный подход и технику к изучению психолога и философа Г. Мюнстерберга и его научного наследия, автор статьи убедился в сложности такого исторического исследования и стал искать примеры подобных работ в отечественной и зарубежной истории психологии. Поиски не увенчались успехом.

Для целей такого исследования наибольший интерес представляют исторические работы Е.Б. Рашковского, и прежде всего его «собеседование» с Вл. Соловьевым. «Подлинное философское творчество, как и всякое подлинное творчество, невольно заглядывает на десятилетия и века вперед, побуждая к непрерывно возобновляемому собеседованию, к диалогу. И уже не важно, что собеседника нашего и нет на свете: он воздвигает собеседника в нас самих» [12].

Каково же было удивление, когда искомое исследование в целостности и завершенности было обнаружено в работе Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» [2]. Г. Мюнстерберг воздвиг собеседника

в Л.С. Выготском. Автор данной статьи не раз читал эту работу Л.С. Выготского, но ни разу не вычитывал в ней того содержания, которое предлагается теперь на суд читателей. В результате удалось постичь истинный смысл того, что на самом деле являют собой ученый и мыслитель Г. Мюнстерберг и психотехника. Л.С. Выготский понял Г. Мюнстерберга лучше, чем тот сам себя понимал.

Как рождался замысел программы развития прикладной психологии как науки

Синтез основных методологических и психологических идей Г. Мюнстерберга составил содержание труда «Основы психотехники» [7]. Фундаментальность его во многом определяется тем, что книга задумывалась как один из томов шеститомных «Основ психологии», к написанию которых приступил в конце XIX в. Г. Мюнстерберг. «Вся область психологии в целом, – писал ученый, – расчленяется для меня следующим образом: после изложения во вступительном томе теоретико-познавательных принципов психологии эмпирическая психология делится на теоретическую и прикладную психологию. Теоретическая психология распадается на каузальную психологию и телеологическую психологию. Эта противоположность может быть выражена иначе – путем противопоставления психологии содержаний сознания и психологии духа, или психологии содержаний и психологии актов, или психологии ощущений и интенциональной психологии. Но каузальная психология есть отчасти психология процессов индивидуального сознания, отчасти психология процессов, происходящих из взаимодействия индивидуумов. Таким образом, теоретическая психология содержала бы во втором томе всего сочинения каузальную индивидуальную психологию, в третьем томе – каузальную социальную психологию, в четвертом томе – телеологическую психологию духа, исследующую смысловые взаимоотношения и связи в душевной жизни. К ней примыкала бы затем прикладная психология, которая в свою очередь распадается на две части: пятый том должен был содержать психологию культуры, шестой том – психотехнику» [там же, с. 10–11].

В 1900 г. ученый опубликовал том «Основы психологии», которому дал подзаголовок «Принципы психологии». В последнем названии, как нам представляется, он хотел оттенить

тот факт, что содержание его труда вдохновлено идеями В. Джемса. Г. Мюнстерберг и В. Джемс познакомились в 1881 г. на первом международном конгрессе по психологии и произвели друг на друга сильное впечатление. Несколько лет после этого они переписывались. В. Джемс, так же как и учитель Г. Мюнстерберга В. Вундт, явился реформатором современной ему психологии. Если В. Вундт построил определенную систему новой психологии, то В. Джемс повлиял на психологию, как отмечал его современник, российский психолог Н.Н. Ланге прежде всего необычайным мастерством описания отдельных групп психологических фактов, во всей их жизненности и непосредственности, помимо всяких теорий и искусственных построений, показал все неисчерпаемое богатство, которое было до тех пор закрыто теоретическими построениями [3].

Труд В. Джемса, несомненно, повлиял на Г. Мюнстерберга и придал дополнительный импульс основной в то время его научной деятельности – в психологических исследованиях практических задач, против чего категорически возражал ценимый и почитаемый им В. Вундт. Не упоминая его, Г. Мюнстерберг писал: «Психологи часто думают, что достоинство вечной науки требует удаления от изменчивых и преходящих интересов повседневной работы» [7, с. 33]. Кстати сказать, результаты психофизических экспериментов Г. Мюнстерберга В. Вундт подверг критике, поскольку эти исследования касались познавательной стороны сознания, а не его структуры [13].

Самое же существенное, что Г. Мюнстерберг в качестве своеобразной эстафетной палочки принял от В. Джемса, пригласившего его в Америку в 1892 г. заведовать лабораторией экспериментальной психологии в Гарвардском университете, задачу, высвеченную трудом американского психолога «Принципы психологии». «Джемс дает блестящий инвентарь того, что мы получаем в наследство от психологии, – писал Л.С. Выготский, – опись ее имущества и состояния. Мы принимаем от нее кучу сырого материала и обещание стать в будущем наукой» [2, с. 426].

Подготовка к публикации книг по проблемам философии и социологии, а также научно-популярных статей и книг о психологии отрывали его, как отмечал сам Г. Мюнстерберг, от подготовки «Основ психологии». На первый взгляд трудно понять, почему указанные сфе-

ры деятельности могли помешать Г. Мюнстербергу воплотить всецело захвативший его замысел подготовки шеститомника. Напрашивается предположение, что, развивая со всей обстоятельностью теоретико-познавательные принципы психологии в первом томе, ученый на каждом шагу наталкивался на методологические проблемы. Ему открылась, как мы считаем, вся шаткость грандиозного здания психологии, которое он начал возводить без методологического фундамента и каркаса. Самое же главное – Г. Мюнстерберг окончательно убедился в тщетности попытки создать прикладную психологию как науку без такого каркаса, а это затрагивало, если хотите, нерв всей научной деятельности ученого в тот период. Отсюда перерыв на 14 лет в работе над шеститомником и «отвлечение» в философию. Г. Мюнстерберг столкнулся с тем, о чем афористично писал Л.С. Выготский: «Никакая психологическая работа невозможна без установленных основных принципов этой науки. Прежде чем приступить к постройке, надо заложить фундамент» [2, с. 373]. Косвенным подтверждением этого может служить опора Л.С. Выготского при анализе научного наследия Г. Мюнстерберга прежде всего на труд «Основы психотехники», а не на первый том «Основ психологии».

Приведенная крайне грубая схема движения мысли Г. Мюнстерберга превратится в полнокровные методологические поиски путей построения прикладной психологии как науки, содержанию которых посвящены изданные в 1914 г. ученым объединенные пятый и шестой тома «Основ психологии» под названием «Основы психотехники». Сейчас же нам важно подчеркнуть, что концептуальный замысел шеститомника и подготовка первого тома сыграли важнейшую роль в разработке методологического каркаса прикладной психологии. Нам даже кажется, что без них он не мог быть построен.

Что же касается отвлечения от замысла шеститомника для написания научно-популярных психологических произведений, то следует иметь в виду, что этому занятию ученый посвящал, переехав в Америку и освободившись от опеки В. Вундта, не одобрявшего в принципе данный вид деятельности в психологии, едва ли не каждый день. Популяризация и пропаганда психологии увлекали ученого, доставляли ему удовольствие и давались ему относительно легко, чему в немалой степени способ-

ствовало то, что ученый был еще и одаренным писателем. Он опубликовал в популярных журналах сотни статей, 23 научно-популярные книги [13]. Рассматриваемая деятельность ученого, которая действительно являлась отвлечением, а точнее – переключением с занятий философией, существенно способствовала тому, что прикладная психология в США и других странах стала по-настоящему уважаемой профессией, а ее создатель – популярной личностью в стране.

Внеочередное издание «Основ психотехники», возможно, было обусловлено начавшейся Первой мировой войной, которая, как отмечал С. Холл, придала огромный импульс прикладной психологии в США, или тем, что ученый к этому времени завершил циклы исследований и практических работ в сфере прикладной психологии, результаты которых представляли строительный материал для «Основ психотехники». Однако, что безусловно повлияло на ускорение издания труда, так это окончание Г. Мюнстербергом разработки программы развития прикладной психологии как науки. Такое знаменательное событие в научной биографии ученого нуждалось, естественно, в обнародовании без всяких промедлений.

Но начнем с упомянутых циклов исследований и разработок в сфере прикладной психологии, первый из которых относится к юридической психологии и связан с изучением недостоверности свидетельских показаний. Его результаты составили содержание работы «Со свидетельского места» (1908). В ней рассматривались не только вопросы показаний свидетелей, но и психологические проблемы ложных признаний, роли предположений в опросе свидетелей. Рассматриваемый цикл исследований и указанная работа оказали влияние на развитие юридической психологии [13].

Содержанием второго цикла явилась клиническая психология, интерес к которой обусловлен кроме всего прочего вторым, медицинским, образованием ученого. Терапевтический метод Г. Мюнстерберга при лечении алкоголизма, наркотической зависимости, галлюцинаций, навязчивых мыслей, фобий и сексуальных расстройств заключался в том, чтобы устранить беспокоящие пациента мысли, избавить его от нежелательных или вредных привычек, помочь забыть о негативных эмоциях. Достаточно часто ученый прибегал к гипнозу как методу лечения. Результаты исследований и вра-

чебной практики нашли отражение в книге «Психотерапия», которая ознаменовала «шаг вперед в клинической психологии» [13, с. 228]. И наконец, третий цикл исследований и практических работ составляет едва ли не основное содержание последнего периода творческой биографии ученого. Результаты исследований в тех компаниях, где Г. Мюнстерберг работал в качестве консультанта, были опубликованы в книгах «Психология и эффективность производства» и «Психология и экономическая жизнь». В предисловии к последней работе И.Н. Шпильрейн отмечает, что она «была поворотным пунктом в истории прикладной психологии» [6, с. 3].

Проведенные Г. Мюнстербергом циклы исследований и практических работ оказали в США существенное влияние на смену акцента с академической психологии в сторону практической, что произошло в тот же период, когда функционализм оформился в этой стране в отдельную психологическую школу, т. е. на стыке XIX и XX вв. Рассмотренные работы относились к тому периоду, когда «прикладная психология была уже введена во многие области культурной жизни, прежде чем научная психология обнаружила к ним какой-либо интерес» [7, с. 36]. Другими словами, поясняет свою мысль Г. Мюнстерберг, прикладная психология уже существовала прежде, чем внутри самой психологии выросла настоящая наука – прикладная психология. Целенаправленное строительство такой науки и явилось целью творческих поисков и всей жизни Г. Мюнстерберга.

Исследование принципов построения прикладной психологии

В конце XIX – начале XX в. американские психологи, стремясь доказать ценность психологических знаний, применяя их на практике, задавались вопросом: «Применять к чему?» В 1894 г. Холл заявил, что «единственно главной и непосредственной сферой применения (психологии) является ее применение в педагогике» (цит. по: [13, с. 205]). Результаты деятельности американских психологов в сфере образования в это время Г. Мюнстерберг характеризует следующим образом: «Название прикладной психологии долгое время было монополизировано психологической педагогикой, и несомненно, что за последние два десятилетия в этой области проведена была весьма основа-

тельная и тщательная работа» (цит. по: [4, с. 191]). Однако даже отмеченные успехи психологии в образовании не заслонили главный методологический вопрос, волновавший Г. Мюнстерберга: «Не к *чему* применять психологию, а как это делать?» В такой постановке проблемы уточняется оценка и указанных результатов: «Даже тогда, когда в соприкосновение приходили педагогика и физиологическая психология, слишком часто дело сводилось к поверхностному дилетантизму. Это большей частью вызывало разочарование...» [7, с. 37]. Анализ других сфер приложения психологии к решению практических задач приводил ученого к еще более неутешительному выводу: «Эта ненаучная полупсихология, поразительно широко распространенная и оказавшая влияние на различные области практической жизни, несомненно, задерживала подлинные успехи прикладной психологии, и теперь далеко еще не преодолены трудности, возникшие вследствие этого» [там же, с. 37].

Анализ причин создавшегося положения и поиск путей выхода из него привели Г. Мюнстерберга к методологически выверенному заключению о назревшем изменении основополагающей установки развития прикладной психологии: «Прежде всего нужно исследовать принципы, лежащие в основе новой науки. До последнего времени прикладная психология вела себя в этом отношении весьма беззаботно» [там же, с. 8).

Сформулированное Г. Мюнстербергом положение представляется Л.С. Выготскому в высшей степени значимым для методологии психологического познания, в том числе и для проблемы, занимавшей его лично, – зависимости каждой психологической операции от общей формулы, т. е. от «общей науки» психологии. Убедиться в правомерности указанной зависимости можно на примере любой психологической проблемы, перерастающей за рамки частной дисциплины, выдвинувшей ее. Исследование «общей науки» осуществляется, указывает Л.С. Выготский, путем сопоставления обширнейших данных самых разнородных областей науки; путем соотнесения данной проблемы с некоторыми основными предпосылками научного знания, с одной стороны, и с некоторыми самыми обобщенными результатами всех наук – с другой; путем нахождения места этого понятия в системе основных понятий психологии; путем фундаментального диалек-

тического анализа природы этого понятия и отвечающей ему, абстрагированной в нем черты бытия. После такого подробного перечисления основных черт методологического исследования в психологии Л.С. Выготский особо подчеркивает: «Как прекрасно сказал Мюнстерберг, защищая необходимость такого исследования для другого круга проблем: «В конце концов лучше получить приблизительно точный предварительный ответ на правильно поставленный вопрос, чем отвечать на ложно поставленный вопрос с точностью до последнего десятичного знака». Правильная постановка вопроса, – заключает Л.С. Выготский, – есть не меньшее дело научного творчества и исследования, чем правильный ответ, и гораздо более ответственное дело. Огромное большинство современных психологических исследований с величайшей заботливостью и точностью выписывает последний десятичный знак в ответе на вопрос, который в корне ложно поставлен» [2, с. 325].

Первый и главный вопрос создания прикладной психологии в понимании Г. Мюнстерберга следующий: «Мы говорили до сих пор только о применении психологии, совершенно не входя в рассмотрение вопроса, который, казалось бы, следует решить прежде всего, а именно вопроса о том, что мы вообще будем понимать под психологией. Трудно было бы сказать, что мы должны ожидать от применения психологии, пока само применяемое в его своеобразии не является для нас ясным и определенным. Но едва ли могут быть сомнения в том, – продолжает ученый, – что этой ясности совсем нет в определении задач современной психологии» [7, с. 21]. Заключительную фразу из приводимого пассажа цитирует Л.С. Выготский, выделяя то место, где Г. Мюнстерберг говорит, что «психология находится в странном состоянии и что мы несравненно больше знаем о психологических фактах, чем когда-либо до сих пор, но гораздо меньше знаем о том, что, собственно, есть психология» [2, с. 382]. Это положение Г. Мюнстерберга Л.С. Выготский считает крайне важным для строительства прикладной психологии как науки.

Предваряя последующий ход мысли Г. Мюнстерберга и, самое главное, тот вывод, после которого Л.С. Выготский, вероятно, окончательно записал его в союзники по разработке методологии психологического познания, необходимо напомнить об общенаучной предпо-

сылке указанной методологии. Принципиальный анализ проблемы «общей науки» психологии раскрывается Л.С. Выготским в двух тезисах. Если первый утверждает, что в самой высокой научной абстракции есть элемент действительности, то второй представляется как обратная теорема: во всяком непосредственном, самом эмпирическом, самом сыром, одиночном естественнонаучном факте уже заложена первичная абстракция. Всякое слово есть уже теория, отмечает ученый, как давно заметили лингвисты и как прекрасно показал А.А. Потебня. И далее Л.С. Выготский пишет: «Все описываемое как факт – уже теория, вспоминает гётевские слова Мюнстерберг, обосновывая необходимость методологии» [там же, с. 313].

Л.С. Выготский высоко оценивает вполне определенный интерес Г. Мюнстерберга к методологии научного познания не только из-за совпадения с его собственными устремлениями. Для Л.С. Выготского такая направленность деятельности Г. Мюнстерберга особую значимость приобретала в условиях победного шествия экспериментальных методов в науке вообще и в психологии в частности, противопоставляемых бесплодию умозрительных спекуляций. Г. Мюнстерберг, стоявший у истоков экспериментального движения в психологии, одновременно придавал основополагающее значение философии и методологии в ее развитии. Это объясняется тем, что Г. Мюнстерберг был не только психологом, но и профессиональным философом.

Кризис поставил на очередь разделение двух психологий. Многие психологи видели во введении эксперимента принципиальную реформу психологии и даже отождествляли экспериментальную и научную психологию. Ныне многие психологи видят исход, констатировал Л.С. Выготский, в методологии, правильном построении принципов: «психология не двинется дальше, пока не создаст методологии. Что первым шагом вперед будет методология, это несомненно» [там же, с. 422–423].

Об основательности поиска принципов построения прикладной психологии как науки свидетельствует тот факт, что Г. Мюнстерберг 14 лет с этой целью занимался изучением немецкой классической философии, и прежде всего философии И.Г. Фихте, который вслед за И. Кантом считал, что философия должна быть фундаментом всех наук – «учением о науке», которая призвана выяснить, в чем состоит сущность науки как обще-

значимого достоверного знания. Примат практического разума над теоретическим – это та предпосылка, которую И.Г. Фихте разделяет с И. Кантом. Для Г. Мюнстерберга огромное значение имела философия И. Канта, стремившегося определить природу человеческих инструментов познания. Многие проблемы и идеи философии Канта созвучны основным направлениям поиска Мюнстерберга в психологии и философии. К ним относятся философское обоснование опытного знания; так называемая критическая философия, занятая анализом правильного функционирования разума, обнаружением ошибок, разработкой правил рассуждения для практики.

Концептуальные подходы представителей немецкой классической философии И.Г. Фихте, Ф.В. Шеллинга и Г.В.Ф. Гегеля, воспринятые Г. Мюнстербергом, связаны были также с выделением деятельности в качестве особой действительности и особого предмета изучения. И наконец, не следует забывать об активной роли Г. Мюнстерберга в развитии одного из направлений неокантианства – учения о нормах чистого сознания как принципах сознания и нравственной деятельности.

Философское наследие Г. Мюнстерберга еще не стало предметом исследований отечественных историков философии. Но тем не менее можно с достаточным на то основанием утверждать, что разрабатываемая им методология психологического познания имела прочные философские корни.

Психология и прикладная психология

Анализируя проводимые им исследования и практические работы в психологии, Г. Мюнстерберг нащупывает неразрешимое методологическое противоречие в понятии эмпирической психологии. И в этом Л.С. Выготский усматривает еще один важный шаг на пути к построению прикладной психологии как науки. «Что понятие эмпиризма содержит в себе методологический конфликт, который сознающая себя теория должна разрешить, чтобы сделать возможным исследование, – эту мысль утвердил в общем сознании Мюнстерберг... Закладывая теоретико-познавательные основы эмпирической психологии, он заявляет, что это и есть самое важное, то, чего недостает психологии наших дней» [2, с. 392].

Г. Мюнстерберг фиксирует внутреннюю смуту у психологов. «Даже некоторое единство

внешних методов, – пишет он, – не может ввести в заблуждение относительно того, что у различных психологов речь идет о совершенно различной психологии, и необычайно богатые успехи в области специальной работы нельзя считать разъяснением принципиальных вопросов» [7, с. 21). Это и ниже следующее положение методологического анализа Г. Мюнстерберга почти полностью воспроизводит Л.С. Выготский. «Психология наших дней борется с тем предрассудком, – указывает Г. Мюнстерберг, – будто существует только один вид психологии... Понятие психологии включает в себе две совершенно различные научные задачи, которые следует принципиально различать и для которых лучше всего пользоваться особыми обозначениями. В действительности существует двоякого рода психология» [2, с. 382]. Продолжая свою мысль, Г. Мюнстерберг фиксирует в современной науке два подхода: можно путем описания превратить психику в цепь причин и действий и можно представить ее как комбинацию элементов, т. е. объективно и субъективно. Далее Л.С. Выготский формулирует свои выводы и там, где необходимо, цитирует положения Г. Мюнстерберга: «Если оба эти понимания довести до конца и придать им научную форму, мы получим «две принципиально различные теоретические дисциплины». Одна есть каузальная психология, другая – телеологическая и интенциональная» [там же].

Заслуга Г. Мюнстерберга не в том, что он зафиксировал существование двух психологий, достаточно очевидное в его время, а в доведении методологического анализа существовавшего положения в психологии до конца и придания ему научной формы. Суть проблемы, рассматриваемой ученым, – разделение психологии – Л.С. Выготский сводит к двум положениям. Эмпиризм в психологии на деле исходил столь же стихийно из идеалистических предпосылок, как естествознание – из материалистических, т. е. эмпирическая психология была идеалистической в основе. В эпоху психологического кризиса эмпиризм разделили на идеалистическую и материалистическую психологию. «Различие слов поясняет и Мюнстерберг как единство смысла: мы можем наряду с каузальной психологией говорить об интенциональной психологии, или о психологии духа наряду с психологией сознания, или о психологии понимания наряду с объяснительной психологией. Принципиальное значение имеет

лишь то обстоятельство, что мы признаем двоякого рода психологию» [2, с. 386].

К такому выводу принципиального характера о развитии психологии Г. Мюнстерберг пришел в процессе методологического построения прикладной психологии как науки. Следующий его шаг – методологический анализ природы прикладной психологии как науки. Ученый начинает с анализа теоретических и методологических основ конкретных наук. Прежде всего его интересует понятие «практическое применение науки». Оно может иметь, фиксирует Г. Мюнстерберг, два различных значения. В одном случае имеется в виду применение результатов какой-либо теоретической науки для решения теоретических проблем другой науки. Так, например, применяют математику для решения физических задач, химию – для объяснения физиологических функций организма, выводы филологии – для реконструкции древней истории. Во всех этих случаях применение остается всецело в теоретической области. «В этом смысле мы можем, а поэтому, конечно, и должны, – заключает Г. Мюнстерберг, – применять совершенно аналогичным образом и психологию» [7, с. 13]. Иначе обстоит дело в том случае, когда химия используется инженером в химической промышленности, например при создании лекарств или красящих веществ, или когда математика применяется инженером для строительства моста или туннеля. Понятие применения в данных случаях имеет новый смысл, так как физика и химия привлекаются не для объяснения чего-либо уже существующего, но для того, чтобы произвести известные действия ради достижения известной цели, осуществление которой является лишь желательным. В первом случае речь идет о применении для теоретических целей, во втором – о применении для целей практических. «Именно эта двойственность заключается, – указывает Г. Мюнстерберг, – и в понятии «прикладной» психологии» [там же, с. 17].

В научном отношении важно четко проводить границу между двумя содержаниями этого понятия, избегая всякого их смешения. Следует признать, констатирует ученый, что в психологии, как и во всякой области знания, есть два различных способа их применения и следует исключить всякое их смешение, избрав для них два различных обозначения. Г. Мюнстерберг и В. Штерн (независимо друг от друга) кроме традиционного различения

психологии на теоретическую и прикладную предлагали различать прикладную и практическую психологии. Именно для этого Г. Мюнстерберг ввел новые понятия – «психология культуры» и «психотехника», разграничивая тем самым две разные задачи, каждая из которых сама по себе правомерна. Г. Мюнстерберг впервые в истории психологии дает методологически строгое определение указанных терминов, соответственно и «прикладной психологии». «Общее выражение «прикладная психология» означает, с одной стороны, что, обращаясь назад, к прошлому, мы объясняем процессы культуры: мы будем говорить в этом случае о психологии культуры. Это выражение означает, с другой стороны, что мы, обращаясь вперед, к будущему, хотим преобразовать с помощью психологии практическую жизнь для осуществления культурных задач. Но науки, – продолжает ученый, – применяемые при выполнении практических задач, называются вообще техническими. Поэтому назовем эту часть прикладной психологии психотехникой. Психотехника, таким образом, совсем не тождественна с прикладной психологией, но составляет только одну ее половину. О ней мы можем говорить только тогда, когда речь идет о достижении какой-либо относящейся к будущему цели» [там же, с. 17].

Труд Г. Мюнстерберга «Основы психотехники» посвящен использованию психологии для практических целей культуры, а также изучению психотехники в ее главных направлениях. Имеются в виду все сферы практической психологии, сформировавшиеся и выделившиеся сегодня в самостоятельные научные дисциплины, – педагогическая психология, медицинская психология, юридическая психология, индустриальная психология и другие. В этом случае термин «психотехника», или, точнее, «индустриальная психотехника», обозначал одну практическую психологию, отличающуюся от психологии труда, но связанную с ней. Г. Мюнстерберг решал задачу создания новой науки – практической психологии «как единой системы» [там же, с. 8] и представляющей «органическое единство» [там же, с. 9]. «Психотехническая работа до сих пор ведется раздробленно, – писал ученый, – и, за исключением педагогики, является совершенно несистематизированной. Попытка обзора всей области психотехники с единой точки зрения должна быть когда-либо предпринята» [там же, с. 8].

Обозначенная ученым «единая точка зрения» не была дана, а явилась результатом его теоретического исследования. Опуская ход исследования, укажем только, как представлял ученый «единую точку зрения» на финише своего изучения. Два фактора определяют, в сущности, всю область психотехники. «Нас должны интересовать, – считал Г. Мюнстерберг, – два вопроса: с одной стороны, вопрос о том, каких изменений можно ожидать в душевной жизни и, с другой стороны, каким образом можно влиять на душевную жизнь. Ожидание того, что произойдет в душе, дает нам предсказание независимого от нас события; напротив, влияние, которое мы можем оказать на душевную жизнь, говорит о нашем господстве над нею. В своем предсказании мы пассивны, в своем влиянии – активны. Наше предсказание устанавливает, что та или иная эмоция, то или иное представление или решение должно будет наступить. Напротив, учение о воздействии устанавливает, каким образом мы можем изменить психические процессы для практических целей. Часто в практической ситуации должны действовать совместно оба фактора. Но нередко решающее значение имеет только один из них» [7, с. 56]. Рассматривая все сферы практической психологии под этим углом зрения, Г. Мюнстерберг смог выявить органическое единство психотехники, нашедшее отражение в его труде.

Практическая психология впервые задается по принципу технической науки, основными понятиями которой служат цели и средства воздействия для их достижения. Для практической психологии главным является не объяснение само по себе, а овладение психикой, так как практическая задача определяет направление психологического исследования. «Если мы действительно желаем вывести прикладную психологию из ее собственной основной мысли, – подчеркивал Г. Мюнстерберг, – то решающее значение должен иметь принцип, что все должно быть подчинено идее практической задачи» [там же, с. 190]. Обращая внимание на то, что прикладная психология слишком легко упускает из виду непсихологические факторы культуры, ученый считает такое положение недопустимым для психотехники. «И у технических условий, к которым относится, разумеется, и машина, и у физической деятельности имеются самые различные точки соприкосновения с психической жизнью. И психолог может интересоваться этой проблемой именно

в круге этих взаимоотношений – мало того: это его прямая обязанность» [6, с.133–134].

Для формирования психотехники важно четко представлять ее отличие от психологии. Психотехника относится к психологии, считает Г. Мюнстерберг, так же как инженерная наука к физике или агрономия к ботанике. «Поэтому нужно подчеркнуть с совершенной определенностью, что психологическое исследование духовных свойств того лица, на которое мы желаем воздействовать, никоим образом нельзя смешивать с чисто теоретической работой объяснительной психологии. В этом случае, если наш интерес ограничивается исключительно наблюдением какой-нибудь личности, если мы применяем психологию для объяснения духовной жизни данного художника, преступника или душевнобольного, если этот анализ производится только для целей понимания духовной структуры этой личности, то мы остаемся еще всецело в границах теоретической психологии. Такой анализ и такое объяснение не имеют никакого отношения к психотехнике. Но другое дело, если это описание и объяснение служат для какого-либо действия, которое мы хотим выполнить ради известной цели» [7, с. 19–20].

При этом вовсе не обязательно, замечает Г. Мюнстерберг, чтобы такое действие было внешним действием, могут быть, например, суждение или критическое заключение, выбор или отклонение какой-либо личности для работы с определенной целью. Характер и сложность действия не принимаются при этом во внимание. Когда человек занимает, продолжает ученый, определенное положение в любви или ненависти, доверии или недоверии, похвале или порицании, он совершает некоторое деяние и достигает какой-либо практической цели. «Таким образом, – заключает ученый, – мы поступаем здесь принципиально иначе, чем при чисто теоретическом описании или объяснении» [там же, с. 20].

Неоднократно подчеркивая, что исследование духовных свойств того лица, на которое мы желаем воздействовать, никоим образом нельзя смешивать с чисто теоретической работой психологии, Г. Мюнстерберг формулирует вопрос: «Достаточно ли подготовлен теоретический психолог, привыкший к чисто лабораторной работе, для того, чтобы быть в состоянии удовлетворить специальным требованиям практической психологии?» Различия в реша-

емых задачах обуславливают и специфику подготовки ученых. «Так же как физик не может разыгрывать из себя инженера, так и для задач психотехники, – убежден психолог, – а в особенности для психологической консультации в области профессионального подбора, должны выработаться специалисты, особо подготовленные для своеобразных требований этой работы» [7, с. 221].

Главным достоинством программы развития прикладной психологии как науки Л.С. Выготский считал достаточно определенный разрыв со способами мышления в психологии, существовавшими ранее: «Центр в истории науки передвинулся; то, что было на периферии, стало определяющей точкой круга. Как и о философии, отвергнутой эмпиризмом, так и о прикладной психологии можно сказать: камень, который презрели строители, стал во главу угла» [2, с. 387]. Именно развитие прикладной психологии во всем ее объеме выступает для Л.С. Выготского «как главная причина и движущая сила психологического кризиса в его последней фазе». Представление о смысле происходящего и возможности реальной психологии, считает он, можно составить только из изучения этой области. «Отношение академической психологии к прикладной до сих пор остается полупрезрительным, как к полуточной науке. Не все благополучно в этой области психологии – спору нет; но ... нет никакого сомнения в том, что ведущая роль в развитии нашей науки сейчас принадлежит прикладной психологии: в ней представлено все прогрессивное, здоровое, с зерном будущего, что есть в психологии; она дает лучшие методологические работы» [там же, с. 387]. Такую оценку прикладная психология заслужила главным образом в результате методологической и теоретической работы Г. Мюнстерберга.

В какой психологии нуждается психотехника

Возвращаясь к формированию Г. Мюнстербергом программы развития прикладной психологии, следует напомнить о рассмотренном методологическом анализе состояния психологии, предпринятом им для получения ответа на едва ли не основополагающий вопрос в плане указанной задачи: «Какая психология нужна практической психологии?» После того как дано методологически обоснованное определение психотехники, считает Г. Мюнстерберг,

ответ на поставленный вопрос не может представить каких-либо затруднений. Психология приобретает значение для психотехники там, где какое-либо действие, являющееся целью, может быть связано с его причинами с помощью психологических познаний. «Психологи начали понимать, что их работа, подобно работе всякой другой специальной науки, конструируется в интересах известных умозрительных целей. Поэтому ее основные понятия являются прежде всего не истинными или ложными, но пригодными или непригодными для известных мысленно поставленных конечных задач» [7, с. 39]. И наконец: «Самостоятельная психотехника может действительно соотноситься с собственными интересами в постановке своих вопросов, вместо того чтобы подчинять их понятиям общей психологии как простой придаток к теоретическому рассмотрению» [там же, с. 32–33]. Эти три взаимосвязанных положения составляют ядро программы развития практической психологии как науки. «Психотехника направлена на действие, на практику, – а здесь мы поступаем, – пишет Л.С. Выготский, – принципиально иначе, чем при чисто теоретическом понимании и объяснении. Психотехника поэтому не может колебаться в выборе той психологии, которая ей нужна ... она имеет дело исключительно с каузальной, с психологией объективной; некаузальная психология не играет никакой роли для психотехники» [2, с. 390].

Принципиальная значимость каузальной психологии для психотехники, с точки зрения Г. Мюнстерберга, заключается в том, что она задает новые тип и метод исследования в психологии: «... можем ли мы и должны ли в научной психологии трактовать телеологически апперцепцию или сознание задачи, или аффекты и волю, или мышление – эти основные вопросы не занимают психотехника, так как он знает, что *во всяком случае мы можем овладеть всеми этими процессами и психическими функциями* (курсив мой. – В.М.), пользуясь языком каузальной психологии, и что с этим каузальным пониманием только и может иметь дело психотехника» [7, с. 26]. Имеется в виду естественнонаучная психология, которая объясняет и предсказывает психические явления на основе причинно-следственных отношений.

Г. Мюнстерберг не просто останавливает свой выбор на каузальной психологии и дает ее определение, он характеризует сильные сторо-

ны данной психологии. Л.С. Выготский сжато повторяет анализ Г. Мюнстербергом позитивных сторон каузальной психологии и делает следующий вывод: каузальная психология «имеет решающее значение для всех психотехнических наук. Она – сознательно – односторонняя. Только она есть эмпирическая наука в полном смысле слова. Она – неизбежно – наука сравнительная. Связь с физическими процессами для этой науки есть нечто столь основное, что она является физиологической психологией (по определению Вундта. – В.М.). Она есть экспериментальная наука» [2, с. 390]. И далее следует вывод Л.С. Выготского о психотехнике, которого она еще никогда не заслуживала: «Это значит, что психотехника вносит переворот в развитие науки и обозначает эпоху в ее развитии» [там же].

Разъясняя свой вывод, Л.С. Выготский приводит, опять же в сжатом виде, логику рассуждений Г. Мюнстерберга. Эмпирическая психология, с точки зрения последнего, едва ли **возникла**, подчеркивает российский ученый, раньше середины XIX в. Применение эксперимента было невозможно, пока психология не стала естественной наукой; но с введением эксперимента создалось парадоксальное положение, немислимое в естествознании: аппараты, как первая машина или телеграф, были известны лабораториям, но не применены на практике. Воспитание и право, торговля и промышленность, социальная жизнь и медицина не были затронуты этим движением. До сих пор считается осквернением исследования, продолжает Л.С. Выготский ход мысли Г. Мюнстерберга, его соприкосновение с практикой и предлагается ждать, пока психология завершит свою теоретическую систему. Но опыт естественных наук говорит о другом: медицина и техника не ждали, пока анатомия и физика отпразднуют свои последние триумфы. Не только жизнь нуждается в психологии и практикует ее в других формах везде, но и в психологии надо ждать подъема от этого соприкосновения с жизнью. Л.С. Выготский полностью согласен с положениями Г. Мюнстерберга и считает их достаточными для разъяснения вывода о кардинальном значении психотехники для развития психологии, если бы не одно «но». «Конечно, Мюнстерберг, – пишет он, – не был бы идеалистом, если бы он это положение дел принял так, как оно есть, и не оставил особой области для неограниченных прав идеализма. Он толь-

ко переносит спор в другую область, признавая несостоятельность идеализма в области каузальной, питающей практику психологии... Поразительный пример внутреннего разлада между методологией, определяемой наукой, и философией, определяемой мировоззрением, представляет весь труд Г. Мюнстерберга («Основы психотехники». – В.М.) именно потому, что он до конца последовательный методолог и до конца последовательный философ, т. е. до конца противоречивый мыслитель. Он понимает, что, будучи материалистом в каузальной и идеалистом в телеологической психологии, он приходит к своего рода двойной бухгалтерии, которая необходимо должна быть недобросовестной, потому что записи на одной стороне совсем не те, что записи на другой: ведь в конце концов мыслима всё же только одна истина. Но для него ведь истина не сама жизнь, но логическая переработка жизни, а последняя может быть разная, определяемая многими точками зрения... В интересах практики мы выражаем истину на одном языке, в интересах духа – на другом» [там же, с. 391].

Продолжая излагать в своей работе ход мысли Г. Мюнстерберга, Л.С. Выготский отмечает, что если у естествоиспытателей есть разногласия во мнениях, то они не касаются основных предпосылок науки. После этого он цитирует (с редакторской правкой и, естественно, без кавычек, но с указанием страницы) принципиально значимое методологическое положение Г. Мюнстерберга: «Но природа психологического материала не позволяет отделить психологические положения от философских теорий настолько, насколько этого удалось достигнуть в других эмпирических науках. Психолог впадает в принципиальный самообман, воображая, будто лабораторная работа может привести к решению основных вопросов своей науки; они принадлежат философии. Кто не желает вступать в философское обсуждение принципиальных вопросов, просто-напросто должен молчаливо положить в основу специальных исследований ту или другую гносеологическую теорию» [там же, с. 391]. Гносеологическая терпимость, а не отказ от гносеологии привели Г. Мюнстерберга к идее двух психологий, из которых одна отрицает другую, но которые обе могут быть приняты философом. При этом возможно одно существенное недоразумение: что идея двойной психологии приводит к *частичному* признанию прав каузальной психоло-

гии, что двойственность переносится в саму психологию, которую разделяют на два этапа, что *внутри* каузальной психологии Г. Мюнстерберг объявляет терпимость. «... **Но это абсолютно не так**», – со всей решимостью подчеркивает Л.С. Выготский [2, с. 392]. «Итак, обе психологии нигде не пересекаются друг с другом, – резюмирует он достаточно пространное изложение труда Г. Мюнстерберга, – нигде не дополняют друг друга – они служат **двум** истинам – одной в интересах практики, другой в интересах духа. Двойная бухгалтерия ведется в мировоззрении Г. Мюнстерберга, но не в психологии. Материалист примет у Мюнстерберга **вполне** его концепцию каузальной психологии и отвергнет двоицу наук; идеалист отвергнет двоицу тоже и примет **вполне** концепцию телеологической психологии; сам Мюнстерберг объявляет гносеологическую терпимость и принимает обе науки, но разрабатывает одну в качестве материалиста, другую – в качестве идеалиста. Таким образом, спор и двойственность совершаются за пределами каузальной психологии; она не составляет ни от чего часть и сама по себе не входит членом ни в какую науку» [там же, с. 392].

Выяснив, в какой психологии нуждается психотехника, Г. Мюнстерберг обращает внимание на тенденции развития современной ему психологии, которые важны для практической психологии. В течение двух-трех десятилетий уединение за стенами лаборатории, отмечает ученый, было в высшей степени желательным для экспериментальной психологии. Но этот первый период нужно считать уже закончившимся. Работа достигла такой ступени, на которой обмен между теорией и практикой можно считать полезным стимулом для обеих сторон. «Правда, некоторые психологи по профессии, – констатирует Г. Мюнстерберг, – которые считают осквернением научного исследования всякое соприкосновение его с практической жизнью, еще и теперь сочли бы за благо, если бы этот момент отодвинулся в далекое будущее» [7, с. 231].

Гимн Л.С. Выготского методологии психотехники – философии практики

Еще раз возвращается Л.С. Выготский к теме каузальной психологии, когда по трем взаимосвязанным направлениям обосновывает выдвинутое им положение о реформирующей ро-

ли психотехники в развитии психологии. Третье направление связано с тем, что «психотехника **есть односторонняя** психология, она толкает к разрыву и оформляет реальную психологию. За границы идеалистической психологии переходит и психиатрия; чтобы лечить и излечить, нельзя опираться на интроспекцию; едва ли вообще можно до большего абсурда довести эту идею, чем приложив ее к психиатрии. Психотехника, как отметил И.Н. Шпильрейн, тоже осознала ... что ищет целостного понятия ... Для отбора вагоновожатых не годится эйдетическая психология Гуссерля, которой нет дела до истины ее утверждений, для этого не годится и созерцание сущностей, даже ценности ее не интересуют. Не Шекспир в понятиях, как для Дильтея, есть цель такой психологии, но **психотехника – в одном слове**, т. е. научная теория, которая привела бы к подчинению и овладению психикой, к искусственному управлению поведением» [2, с. 388–389]. Как обманчивы внешние формы психологического кризиса, констатирует Л.С. Выготский, и как надо в них вычитывать стоящий за их спиной истинный смысл. «И вот Мюнстерберг, этот воинствующий идеалист, закладывает основы психотехники, т. е. материалистической в высшем смысле психологии. Штерн, не меньший энтузиаст идеализма, разрабатывает методологию дифференциальной психологии и с убийственной силой обнаруживает несостоятельность идеалистической психологии» [там же, с. 389].

Заключительные слова гимна практической психологии содержатся в первом и втором направлениях, по которым Л.С. Выготский обосновывает положение о реформирующей роли психотехники в развитии психологии, а именно о роли практики и методологии. Через психологию труда, психиатрию, детскую психологию, юридическую психологию психология **впервые**, подчеркивает ученый, столкнулась с высокоорганизованной практикой – промышленной, воспитательной, политической, военной. Это прикосновение заставляет психологию перестраивать свои принципы. Прикладная наука для развития психологии играет ту же роль, что медицина для анатомии и физиологии и техника для физических наук. Психология, которая стремится не столько понять психику, сколько объяснить ее и овладеть ею, ставит в принципиально иное отношение практические дисциплины во всем строе науки, чем прежняя психология. Через практическую пси-

хологию, по мысли Л.С. Выготского, «практика входит в глубочайшие основы научной операции и перестраивает ее с начала до конца; практика выдвигает постановку задач и служит верховным судом теории, критерием истины; она диктует, как конструировать понятия и как формировать законы» [2, с. 387–388].

Всякий психолог, убежден Л.С. Выготский, испытал на себе перестраивающее влияние прикладной науки. «Так, только в психотехнике выявляется, – цитирует Л.С. Выготский Г. Мюнстерберга, – подлинное значение объяснительной психологии, и, таким образом, в ней завершается система психологических наук» [там же, с. 390]. И далее ученый произносит слова, которые отечественные историки психологии вынуждены были обходить стороной и которые сегодня звучат упреком всему сообществу психологов: «Нельзя преувеличивать значение новой практической психологии для всей науки; психолог мог бы сложить ей гимн» [там же, с. 387].

Первое направление обоснования реформирующей роли психотехники естественно перерастает во второе – в методологию. Как это ни странно и ни парадоксально на первый взгляд, но именно практическая психология требует философии, т. е. методологии науки. «Как говорит Мюнстерберг, – подчеркивает Л.С. Выготский, – не только в общей части, но и при рассмотрении специальных вопросов мы принуждены будем всякий раз возвращаться к исследованию принципов психотехники» [там же, с. 388].

Заключение

Исследование, представленное в работе «Исторический смысл психологического кризиса», Л.С. Выготский построил в узловых пунктах в форме заочного диалога с Г. Мюнстербергом. Оба ученых специально занимались одной и той же проблемой – методологией психологического познания. Основное внимание ученые сосредоточили на формировании практической психологии и ее соотношении с академической психологией. В программе развития прикладной психологии как науки российский ученый усмотрел прообраз «общей науки» психологии, созданию эскиза которой на стыке естественнонаучной и культурно-исторической традиций и посвящена указанная работа. И поэтому, достигнув наибольшего раз-

вития в «общей науке» психологии, разрабатываемая Г. Мюнстербергом программа развития прикладной психологии как науки приобрела определенную целостность и завершенность как методологическое исследование. Необходимо было, чтобы появился психолог и методолог такого же масштаба, как Г. Мюнстерберг, чтобы по достоинству оценить его методологический вклад в развитие психологии. Такой фигурой и оказался Л.С. Выготский.

В еще не развитой в теоретическом и практическом отношении психотехнике Г. Мюнстерберга Л.С. Выготский выявил богатейший методологический потенциал, позволяющий реформировать психологию и стать главной движущей силой ее кризиса. Психотехника, по его словам, заставляет усвоить и ввести в науку огромные, накопленные тысячелетиями запасы практического психологического опыта и навыков, потому что и церковь, и военное дело, и политика, и промышленность, поскольку они сознательно регулировали и организовывали психику, имеют в основе научно неупорядоченный, но огромный психологический опыт. «Она (психотехника. – В.М.) для развития психологии, – подчеркивает Л.С. Выготский, – сыграла ту же роль, что медицина для анатомии и физиологии и техника для физических наук» [там же, с. 387].

Психотехника, согласно Г. Мюнстербергу, призвана «преобразовать с помощью психологии практическую жизнь для осуществления культурных задач» [7, с. 17]. Понимая под психотехникой техническую науку по аналогии с техническими науками фундаментальной физики, химии и других, Г. Мюнстерберг предлагает такое соотношение и для психологии. Комплексный характер преобразования практической жизни с помощью психологии немислим без методологии. Г. Мюнстерберг и Л.С. Выготский впервые в психологии кроме традиционного выделения теоретического и эмпирического вводят еще технический уровень научного познания и мышления как особой формы преобразования психической реальности с психолого-практическим знанием в качестве идейно-смыслового и ценностного центра. «Ее появление может быть рассмотрено, – отмечает А.А. Пископелль, – как процесс и результат распространения преобразовательной установки технического сознания (отношения): первичного – на области реальности, впервые открытые научной деятельностью и

данные только через призму ее продуктов – научных знаний, вторичного – на традиционные для технической практики области, в которых научная деятельность открывает иные «измерения», предоставляющие новые возможности для воплощения **технических замыслов** [10, с. 81].

Приоритет проектно-преобразовательного типа мышления над научно-познавательным отстаивает А.А. Пузырей в методологической интерпретации наследия Л.С. Выготского [11]. Перерыв постепенности мыслится А.А. Пузыревым не по линии «объяснение – понимание», а по линии категориальной оппозиции «знание – замысел» (у него замысел – проект). Это не означает абсолютного противопоставления научных знаний проективным замыслам, а подчиненность первых (в «новой психологии») – вторым [9].

Если в структуре психологии научная теория и научно-теоретические знания суть вершина и цель познавательной деятельности, то в практической психологии они выступают в качестве эмпирической базы для получения ее знаний и создания теорий. Психотехника, по определению Л.С. Выготского, – это философия практики. «Однако философия практики, – как поясняет Ф.Е. Василюк, – это вовсе не философское познание практики и не познание, ориентированное прагматически на то, чтобы служить исключительно практическим целям; философия

практики не является вообще методологией одного лишь познания, так чтобы научная истина мыслилась как высшая ценность. Но поскольку познание осуществляется в недрах философии практики, оно должно непрерывно удерживать в своих процедурах факт собственной жизненно-практической укорененности в познаваемом бытии. Познание, реализующее философию практики, не смотрит на практику извне, а изнутри практики смотрит на открываемый ею мир» [1, с. 11].

В истории перехода от классической к постклассической психологии важным этапом явился диалог Г. Мюнстерберга и Л.С. Выготского. В творческой биографии Л.С. Выготского совершенно не изучен еще один этап, связанный с попыткой развить в СССР практическую психологию в соответствии с ее методологическим каркасом, содержащимся в его работе «Исторический смысл психологического кризиса». Имеется в виду создание в стране в 20–30-е гг. И.Н. Шпильрейном, Л.С. Выготским и С.Г. Геллерштейном научной школы психотехники, о чем будет написано в следующей статье. Перефразируя высказывание В.П. Зинченко, можно утверждать, что для психологической науки представления Г. Мюнстерберга, Л.С. Выготского, И.Н. Шпильрейна и С.Г. Геллерштейна о практической психологии – это не прошлое, а все еще недостаточно понятое и освоенное настоящее.

Литература

1. Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М., 1982.
3. Ланге Н.Н. Психический мир. М.; Воронеж, 1996.
4. Лихи Т. История современной психологии: Пер. с англ. 3-е изд. СПб., 2003.
5. Мунипов В.М. Общая судьба педологии, психотехники и психологии в 30-е годы в СССР // Антология современной психологии конца 20-го века. (По материалам конференции «Психология созидания»): Ежегодник Российского психологического общества. Т. 7. Вып. 3. Казань, 2001.
6. Мюнстерберг Г. Психология и экономическая жизнь. М., 1924.
7. Мюнстерберг Г. Основы психотехники. Т. 1. СПб., 1996.
8. Ортега-и-Гассет Х. Веласкес. Гойя. М., 1997.
9. Пископтель А.А. Научное наследие Л.С. Выготского вчера и сегодня // Вопросы методологии. 1994. №3 – 4.
10. Пископтель А.А. Наука и техника как формы социально значимой деятельности // Вопросы методологии. 1995. №1 – 2.
11. Пузырей А.А. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология. М., 1986.
12. Рашковский Е.Б. Профессия – историограф: Материалы к истории российской мысли и культуры XX столетия. Новосибирск, 2001.
13. Шульц Д., Шульц С.Э. История современной психологии. СПб., 1998.

Hugo Munsterberg, founder of psychotechnics, as the precursor of L.S. Vygotsky in the methodology of psychological research

V.M. Munipov

Ph. D., Professor, Member of the Russian Academy of Education,
Professor of the Ergonomics Department of the Moscow Institute of Radio Electronics and Automation

The author analyzes the dialogue-in-absence between Munsterberg and Vygotsky about the problems of methodology of psychological research. The core issue deals with the formation of practical psychology in accordance with academic psychology. The author considers the methodological potential of psychotechnics which allows the reform of psychotechnics and which might become the driving force of crisis in psychology. Munsterberg and Vygotsky were first to identify the technical level of science, apart from the theoretical and the empirical. The technical level of science is a specific form of transforming the mental reality, the meaning, value and ideal centre of which being the practical psychological knowledge. Psychotechnics, according to Vygotsky, is philosophy of practice, and as such, it does not contemplate practice from the outside; it stays within practice and looks through it upon the world it discloses.

The author also notes that the scientific school of psychotechnics created in the 20–30s in Russia is not studied thoroughly enough, and this stage of development of science is important as the shift from classical to postclassical science.

Keywords: psychology, applied psychology, psychotechnics, practical psychology, technical science, methodology of psychological research.

References

1. *Vasilyuk F.E.* Metodologicheskii smysl psihologicheskogo shizisa. *Voprosy psihologii*, 1996. №6.
2. *Vygotskii L.S.* *Sobr. soch.: V 6 t. (T. 1).* M., 1982.
3. *Lange N.N.* *Psihicheskii mir.* M.; Voronezh, 1996.
4. *Lihl T.* *Istoriya sovremennoi psihologii: Per. s angl. 3-e izd.* SPb., 2003.
5. *Munipov V.M.* Obshaya sud'ba pedologii, psihotehniki i psihologii v 30-e gody v SSSR // *Antologiya sovremennoi psihologii konca 20 veka (Po materialam konferencii «Psihologiya sozidaniya»).* Ezhegodnik Rossiiskogo psihologicheskogo obshestva. T. 7, Vyp. 3. Kazan', 2001.
6. *Myunsterberg G.* *Psihologiya i ekonomicheskaya zhizn'.* M., 1924.
7. *Myunsterberg G.* *Osnovy psihotehniki.* T. 1 – SPb., 1996.
8. *Ortega-i-Gasset H.* *Velaskes.* Goiya. M., 1997.
9. *Piskoppel' A.A.* Nauchnoe nasledie L.S. Vygotskogo vchera i segodnya. *Voprosy metodologii*, 1994. №3–4.
10. *Piskoppel' A.A.* *Nauka i tehnika kak formy social'no znachimoi deyatel'nosti.* *Voprosy metodologii*, 1995. №1–2.
11. *Puzyrei A.A.* *Kul'turno-istoricheskaya teoriya L.S. Vygotskogo i sovremennaya psihologiya* M., 1986.
12. *Rashkovskii E.B.* *Professiya – istoriograf: Materialy k istorii rossiiskoi mysli i kul'tury XX stoliya.* Novosibirsk, 2001.
13. *Shul'c D., Shul'c S.E.* *Istoriya sovremennoi psihologii.* SPb., 1998.